

Владимир ТАРАСОВ
г. Ульяновск

САШКА

В последнее время, когда подъезжаю к нашей деревне и ещё издали вижу её дома на взгорке, во мне сразу возникает чувство, что чего-то не хватает, какого-то домика нет. Вблизи убеждаюсь: всё на месте. А ощущение утраты так и не исчезает...

Нас, дачников, ведущих хозяйство наездами из областного центра, и местных жителей, доживающих свой век в исчезающем поселении, всего несколько человек. Соседствуем мы уже не один десяток лет, давно изучили повадки друг друга. Местных — двое, оба инвалиды с изломанными судьбами, дачников — пять домов и столько же семей. Из примечательного у нас только то, что у большинства жителей есть какие-то прозвища, наверное, так истари повелось на этом участке земли. Одного местного, Серёжку, зовут Говорун — поток слов льётся из него неудержимо, при случайной встрече невозможно даже спокойно завершить начатый разговор и уйти, приходится на полуслове обрывать его, разворачиваться и бежать без оглядки. Другого местного, Пашку, прозвали Одноногий, после того как несколько

лет назад в районной больнице ему ампутировали ногу из-за закупорки сосудов. Как он сам говорит: «Отрезали по ошибке, врачи решили перестраховаться, воспользовались тем, что я в это время спал...» Нюшка, очередная Пашкина сожительница, зовётся Маленькой за невысокий рост и совершенно миниатюрные женские формы, которые она решила дополнить постоянной сигареткой во рту и смачным матом.

Дачники тоже имеют свои прозвища. Семидесятилетняя Инна — Голая, так как, невзирая на погоду, целыми днями мотыжит свой огород в купальнике, загоревшая, как негр. Мало-разговорчивый и нелюдимый сосед Иванов — Хмурый. Соседка Светка — ходячая энциклопедия огородной жизни — Агроном. У неё есть и дочери, и сыновья, но никто из них от деревни не удостоился новым именем, в отличие от зятя, познакомившегося с её дочерью когда-то по интернету и приехавшего с Украины после начала конфликта. Он стал именоваться Военнопленный. Другой мой сосед, Сашка, стал Пахарем, и вовсе не потому, что пашет землю, а за свою любовь к труду. Хотя...

Теперь понимаю, что есть в его Пахаре что-то пророческое...

Сашка появился в наших краях и взял земельный участок совсем недавно, лет десять тому назад, когда уволился на пенсию после военной службы. Они с женой деятельно взялись за дело, построили небольшой кирпичный домик, поставили две стационарных теплицы, таких в округе ни у кого нет, установили забор, соорудили даже альпийскую горку. Работают они на своём участке день и ночь, но тут этим никого не удивишь, здесь все такие, кроме местных. Удивительно другое: человек, прослуживший тридцать пять лет в армии, оказался полным альтруистом, доброй душой, бесребреником, готовым всегда прийти на помощь. Деревенские быстро раскусили такую человеческую слабину и стали грузить его своими проблемами: то их надо в город свозить, то на базар, то в больницу, то в райцентр. Сашка безотказный, а на остальных дачниках особенно не поездишь. Он и по своей инициативе многое для них делал: то денег на мобильник подбросит, то лекарства привезёт, то курева, то запчасты, то еды... Ну, еды тут мы все местным возим, по-другому никак, магазина в округе давно нет. Лет пять назад Сашка начал ежегодно оплачивать зимнее отопление одиноко живущему Говоруна — Серёжке, и нас, городских, сагитировал войти с ним в долю. Мы с Сашкой давно приятельствуем, у нас много общего. Нам по шестьдесят шесть лет, мы оба бывшие военные, даже служили мы когда-то рядом: он — на Камчатке, а я — на Курилах. Но есть у нас и одно принципиальное различие: я не одобряю Сашкиного альтруизма в отношении деревенских, мне он кажется излишним. Сколько раз начинал разговор с ним на эту тему:

— Ты своим благородством нарушаешь сложившийся в мире порядок вещей! Да, надо помогать ближним, но только тогда, когда они сами тебя об этом попросят! Даже в Библии сказано, что просящему — даётся, а ты сам летишь к местным с предложениями. Ты глянь на них — они совсем обленились! Не работают, скотину не держат, огороды не сажают, живут на подачки, семей нет, детей нет, зато спеси — полные штаны! Эти трутни должны чувство-

вать свою ущербность и должны стремиться выбраться из неё, а ты пытаешься им её скрасить! Получается, что и нам, всем остальным, по твоему примеру надо тоже облагодетельствовать здешних? Ты думаешь, наверное, что творишь благое дело по отношению к бедным? А они уверены в обратном — это они оказывают тебе, «понаехавшему», милость, принимая от тебя подношения, а твоя обязанность такие подношения безостановочно подносить...

Обычно Сашка внимательно слушал, но ничего не отвечал, отмалчивался, он явно придерживался какой-то своей внутренней философии и не хотел ее менять. Оно и понятно: образованный, военная академия за плечами. Такой односторонний спор продолжался у нас довольно долго, вплоть до сегодняшнего дня.

Каждый год в конце апреля приходит та пора, когда все, кто сажают картошку, начинают пахать свои участки. Мы её не едим — у нас и забот нет, а Сашка выращивает две сотки, для чего берёт пахать мотоблок у Говоруна. Но неделю назад Говоруна отвезли в областную больницу с воспалением лёгких, а два его мотоблока так и остались стоять на дворе у дома. Сашка, как всегда, попытался завести хотя бы один из них — ничего у него не получилось, сломалась техника. Мне со своего участка хорошо были видны его потуги с заводкой. Я не подходил. А зачем? Ведь помощи никто не просит... У Сашки есть свой мотоблок, только он маломощный, для многих работ подойдёт, а для картошки — нет, не справится: фрезы маленькие. В деревне мощные мотоблоки есть в каждом дворе, а у Сашки почему-то такого не оказалось, хотя он самый обеспеченный среди нас. Сомнительно, что решил сэкономить в деньгах. Подумал, наверное: зачем покупать второй мотоблок, если можно взять раз в год у соседа на два часа, а купить только бензина для заправки? Ничего, нужно будет — у меня попросит, а может и у Хмурого взять, тот ещё ближе к его участку живёт, агрегат перегонять далеко не надо.

Недавно я ездил на неделю в Москву, так просил Сашку полить у нас в теплице десять ростков томатов. Он один раз зашёл, полил. Просил я ещё: «Если у вас осталась ненужная

домашняя рассада, как в прошлом году, посади мне в теплицу, буду должен», — он посадил два помидора. Получается, я в должниках, значит, буду ждать Сашкиного прихода. Воистину, не переворачивать же мне мир с ног на голову, мы привыкли, что просящему даётся. А если не просят? Бежать за непросящим и уговаривать его: возьми мой мотоблок, поработай на нём? Тогда деревня даст тебе кличку Чокнутый. Просить и получать, дарить и отдаривать — так вроде устроен мир?..

Но Сашка, на удивление, ко мне не пришёл. Через день увидел через забор, как они с Одноногим Пашкой подкатывают фрезы к его «инвалидскому» мотоблоку. Пашка давно освоился без ноги, даже научился ездить на мотоблоке с прицепом: возит Нюшку в соседнюю деревню к её родне, погрузив свои костыли в кузов. Всё сразу стало ясно. Сашка решил взять мощнейший дизельный мотоблок и вспахать огород сначала его хозяину, а потом вспахать огород себе. И какой чёрт меня дёрнул пойти им помогать снимать колёса и насаживать вместо них фрезы? Увидел, как они мучаются, да и много ли может сделать человек, сидя в инвалидной коляске? Помог на свою голову, точнее сказать, на чужую голову. Не сориентировался, постеснялся, надо было сразу крикнуть Сашке: «Стой!» — как только он взялся за рукоятки мотоблока и повёл его на участок пахать. И я ведь видел, что мотоблок для него тяжеловат, и опыта управления, похоже, у него никакого не было. Только как скажешь?..

Сашка как замороженный поставил перед собой цель и идёт к ней, невзирая ни на какие неблагоприятные обстоятельства. Наверняка моё замечание, высказанное прилюдно, воспримет как личное оскорбление... По логике, тогда я сам должен сменить его за ручками мотоблока, а я совершенно не знаю, как им управлять, легче меня посадить за штурвал самолёта. Гадские условности, они нас всех опутали с ног до головы. Спрашивается, а зачем пахать? Картошку сажать ещё рано, паханая земля только высохнет. Выказал Пашке, что фрез много, надо бы одну отсоединить, оставить две, а то они в землю не влезут, да и мотоблок тем облегчим. А он: «Влезут!» Вроде и так пойдёт, захват шире

будет. И чего ты лезешь со своими советами! Не зря мать всегда говорила, что от теперешних деревенских надо держаться подальше, от них никогда ничего хорошего не увидишь...

Мы с Маленькой Нюшкой и Одноногим Пашкой, сидящим в инвалидной коляске, расположились в самом начале их огорода, спустившись со взгорка к реке, и смотрели, как Сашка начал пахать. Что-то сразу пошло у него не так: мотоблок, проехав двадцать метров, стал глохнуть и останавливаться, потом, чуть набрав обороты, продвинулся на пять метров вперёд и окончательно встал, едва тарахтя... Только подумал: «Надо идти помогать!» — как двигатель дико взревел и механизм ринулся назад, затягивая под себя ножами культиватора упавшего Сашку. Поиздевавшись несколько секунд над человеком, мотоблок заглох. Выкрикнув: «Вызывайте скорую!», я бросился вниз, под гору, понимая: произошло что-то ужасное, не могут люди с такой скоростью падать плашмя. Подбежав, попытался сбросить агрегат весом в двести килограммов с лежащего, но не смог даже на сантиметр приподнять его. Лишь спустя полминуты, когда прибежали ещё двое, общими усилиями нам удалось завалить мотоблок набок.

Скорая приехала из соседнего села достаточно быстро, через полчаса. Мы втроём всё это время пытались высвободить закрученную в кольцо и намотанную на вал Сашкину ногу. Вытащить её не было никакой возможности, Г-образный нож глубоко вошёл в середину бедра и мешал движениям. Пришлось расшпинтовывать и снимать с вала фрезу вместе с ногой. А руки трясутся и не слушаются, сам себя подгоняешь: «Быстрее! Быстрее!» Только положив фрезу на землю, мы смогли вытащить лезвие ножа из тела и высвободить израненную ногу. Она оказалась наполовину оторвана в колене, видны были белые головки костей и торчащие рядом обрывки связок и сухожилий. Согнув и примотав тряпкой голень к бедру, чтобы остановить кровь, заорал: «Жгут!» И кто-то принёс жгут из автомобильной аптечки. Наложил его на середину бедра, но то были слёзы — жгут короткий, фиксатора нет, затянул его изо всех сил на узел — палкой не закрутить: старый, в

трещинах, лопнет. И всё то время, что мы бежали вокруг Сашки, он, находясь в сознании, не издал ни звука, ни стопа, а лишь следил за нами глазами. А нам смотреть ему в глаза было нельзя, ведь в них он сразу прочтёт наше отчаяние. Всего он произнёс два слова: «Нога!» Услышал, когда подбежал к нему. И перед приездом скорой: «Мобильник!» Я нашёл смартфон в траве, но раненому не отдал, хотя он и тянул за ним руку, передал потом его жене.

В чрезвычайных обстоятельствах всё решают мгновения и совсем незначительные мелочи. По мне, так лучше спортивных штанов одежды нет — тянутся и легко рвутся. Если бы на Сашке были они... Но он носил на даче фирменный брезентовый комбез — вроде мелочь, но, зацепившись за него, фреза мотоблока не оставит тебе ни малейшего шанса — моментально закрутит ногу на вал. А пропитанный кровью брезент становится как броня. Я резал его громадным ножом и не мог разрезать, ткань не поддавалась хоть плачь. Надо накладывать жгут, а мы всё к телу никак не пробьёмся, штаны стянуть тоже не получается, комбинезон на плечевых лямках — всё против нас.

Приехала скорая, надо бы раненому промедол колоть от шока, а деревенские, едва двигающиеся фельдшерицы задумали лежащему на земле человеку давление мерить. Народ наорал на них. Погрузили травмированного на каталку, только стали заталкивать каталку в машину, как началась агония — Сашкины руки принялись хватать всё вокруг так, как хватали всё вокруг умирающие руки моего отца перед смертью. Скорая даже не тронулась с места, медики приступили к выполнению положенных реанимационных мероприятий — и чело века не стало.

К тому времени от переживаний в моё сердце влетел кол; на месте происшествия я стал бесполезен, поэтому поплёлся к себе домой отсидеться. А дальше запустилась стандартная процедура: дознаватель, дача показаний, катафалк, перегрузка тела из скорой. Потом все разъехались или исчезли, и только Сашкина машина осталась сиротливо стоять у их дома. В деревне воцарилась тишина. Но она не воцарилась внутри меня...

Кто-то скажет: «Вы неправильно спасали раненого, надо было не вытаскивать ногу из мотоблока, а в первую очередь накладывать жгут поверх робы в паху!» Так-то оно так... Только на огороде жгуты не растут, под рукой не оказалось ни ремня, ни верёвки, а принесённый через десять минут резиновый жгут Эсмарха был коротковат и староват, поверх робы его не завязать и тем более не закрутить. Действительно, если обегать несколько автомашин, стоящих у домов по деревне, и понабирать жгутов из аптек да связать их, то получим жгут нужной длины, только когда прибежишь назад, накладывать его будет уже некому. Это у бойца-штурмовика сегодня по два турникета на теле... Мало у травмированного ногу оторвало, так у него и бедро было размозжено, и сердце слабое, он сразу улетел в последнюю — торпидную — фазу шока, не реагировал на боль. Как вынесли вердикт медики: «Травмы, несовместимые с жизнью!» Мы понадеялись, что скорая заберёт раненого и сразу помчится в город, к её приезду торопились извлечь человека из механизма, а получилось, что зря старались. А почему у меня в памяти не отложилось, что жгут может находиться в автомобильной аптечке? Да, в старой советской аптечке он был, точно помню. Надо проверить! Достал из багажника своего автомобиля две современные аптечки — ни в одной из них жгута нет. Сутки думал... Не может такого быть! Опять залез в багажник и стал сверять содержимое аптечек с описью, нашёл — «Жгут кровоостанавливающий № 4» — маленький пакетик чуть больше спичечного коробка с узенькой ленточкой. М-да! Таким изделием можно разве что кровь из пальца остановить... Почесал голову и тут же заказал по интернету армейский жгут-турникет за пятьсот рублей, положу его в свою машину, дай бог, никому не пригодится. Заметил, что приехавшие в скорой фельдшера сразу поняли, что травмированного не довезут, с превеликой неохотой разрешили грузить его на носилки, иначе народ бы их растерзал. Сердобольность стоила медикам многочасового простоя на месте — тело можно перегрузить только в катафалк, катафалк придет только после осмотра места происшествия дознавателем, а когда придет дознаватель —

то никому неведомо. Наш приехал через пять часов и сразу огорошил меня первым вопросом насчёт пьянства, а у нас все участники происшествия были трезвыми...

А Сашкина смерть всё не идёт из головы, мне надо как-то понять логику его действий... В прежние годы при необходимости он брал мотоблоки у Серёжки Говоруна, но в этом году они оба сломались, так судьба привела его к Пашке. А почему он не обратился к другим дачникам, ведь у нас у всех есть свои мотоблоки? Да, они не такие мощные, как дизельный, зато органы управления у них привычные, всего две ручки — вперёд и назад, у дизельного — четыре. И Сашке не надо пахать наши огороды в виде платы за использование техники, мы сами справимся — ему работы в два раза меньше. Так почему он выбрал самый трудозатратный путь? Когда-то пообещал оказать помощь инвалиду и теперь решил своё обещание исполнить? Но вспахать даже две сотки за раз — предел наших возрастных возможностей. А ему предстояло пахать в пять раз больше — на себя и на хозяина механизма. Если вы хоть раз увидите на местности десять соток земли, а потом переведёте взгляд на мотоблок и соразмерите ширину захвата его фрез с шириной поля, то идею вспашки такой площади сразу признаете безнадёжной. Раньше для такой цели пригоняли из колхоза трактор «Беларусь» с плугом. И ещё надо учесть, что за одну проходку качественно землю не вспашешь, всегда два раза приходится перепахивать, сначала на маленькой скорости, потом на большой, а это целых двадцать соток, а возраст у него — шестьдесят шесть лет! Вопросы, вопросы... И главное, Одноногий Пашка при мне показывал Сашке, как управлять мотоблоком, а тот почему-то ни во что не вникал, не задал ни одного вопроса, хотя никак не мог для себя уяснить, на какой ручке находится задний ход, и всё торопился идти пахать. Обычно неизвестный механизм сначала изучают, учатся управлять им на различных режимах и лишь потом приступают к работе... Тут всё произошло с точностью до наоборот. У меня даже создалось впечатление, что Сашка действует кому-то назло... Кому? Злился на самого себя, что не купил необходи-

мый мотоблок? Злился на других соседей, что они не дали ему свою технику? Но он ни к кому больше не обращался, я специально у всех спрашивал. И ещё... Почему Сашка, видя, что у него не получается пахота, что он не может управлять мотоблоком, не остановился и не запросил помощи? Или вообще не плюнул и не ушёл к себе домой? Если разжать кисти обеих рук, тем самым отпуская ручки управления, мотоблок мгновенно остановится. У Сашки он не остановился, а поехал назад и перепахал его самого. Фатальное невезение, наверняка один случай на миллион, и в какой последовательности надо умудриться понажимать все рычаги и ручки подряд, чтобы такое событие свершилось? Вот и живи, неси всю оставшуюся жизнь в сердце случившуюся трагедию — не смог уберечь товарища от смерти. А ведь первопричина гибели людей всегда одна и та же — жадность. Копала Пашкина сожительница огород лопатой, два квадратных метра в день, всё было в деревне хорошо... Так нет, загорелись! Даже отцепили мотоблок от своей телеги. А Сашка! Ему катавасия с соседской пахотой зачем? Захотел помочь инвалиду? Да разве вспахать восемь соток — это помощь? Это большая работа! И мало ли чего ты по простоте душевной наобещал своим соседям!..

А зачем инвалиду вспаханный огород? Ни засадить, ни убрать такую громадную площадь ни у него, ни у Маленькой Нюшки сил нет. Получается, что задумка со вспашкой изначально была глупостью? Может, Сашка специально решил подбросить семейству Одноногих вспаханное поле, чтобы их природная крестьянская жадность проснулась и побудила к действиям? Вдруг они бросят свои запои, вспомнят о молодости, прошедшей в крестьянских трудах, и займутся привычным делом — выращиванием картошки? Но такой поступок противоречит закону экономии труда: у Сашки своих работ выше крыши.

Как много всего намешано в этом деле! Причём одно не вяжется с другим и никакой логики нет... А может, трагическая гибель людей всегда нелогична, потому она и считается трагической? До побудительных мотивов Сашкиного поступка не докопаться, а человека нет — тако-

го нужного, с которым можно было поговорить, посоветоваться, сделать что-то совместное, по сути — такого же человека, как ты сам. А ведь я так и не успел разобраться, какого внутреннего мировоззрения Сашка придерживался. Понял только, что он гордый — не попросил мотоблок ни у одного из нас, дачников, не захотел оставаться ни перед кем в долгу, решил даже свою вынужденную просьбу сразу отработать, объединив её с давно обещанной помощью инвалиду. Но ведь гордость и сердобольность не могут существовать одновременно, одно исключает другое, это общеизвестно. Как же они смогли ужиться наперекор всем законам и правилам в душе у одного человека? Вот загадка...

Как просто и буднично теряется самое ценное — жизнь. Из-за каких-то пустяков, мелочи и ерунды, по недосмотру и рассеянности, от одной малюсенькой ошибки, которую и ошибкой-то никто никогда не считал, из самого ничтожного «ничего» — вдруг мгновенно вырастает смерть... И каково это — погибнуть не сразу, так, что не успеешь почувствовать боль, а умирать полчаса — медленно и бесповоротно, понимая, что вместе с кровью из тебя вытекает сама жизнь и что бегающие вокруг люди уже ничем тебе не помогут? С одной стороны, продолжать надеяться на чудо, мысленно пытаюсь для этого затормозить время, обтекающее тебя, лежащего, со всех сторон, с другой — осознавать, что всё... твой век закончился. Что мы за люди безрассудные? Нести, нести дарованную матерью жизнь долгих шестьдесят шесть лет, оберегая её от всяческих толчков, а потом швырнуть её в пашню за одну секунду так, как будто она никогда ничего не стоила...

Я не верю в мистику, но сейчас, спустя много дней, всё больше склоняюсь к тому, что Сашка действовал с мотоблоком как «околдованный», как человек, лишённый здравого смысла и чувства самосохранения. Даже взгляд его за десять минут до трагедии стал каким-то отсутствующим, потусторонним, он ничего и никого не замечал вокруг, резко заторопился куда-то, к какой-то, только одному ему известной цели — как будто сама смерть позвала его к себе, и он сразу отрешился от всего окружающего. А ведь каждый из нас хоть раз в жизни, но тоже

попадал в такое состояние «завороженности», когда потом сам себе не можешь дать отчёт, что с тобой такое произошло, что на тебя «нашло» и куда это ты помчался наперекор разуму, словно одурманенный. Хорошо, когда такие «безумства» заканчиваются благополучно... В такие моменты нам кажется, что мы ухватили удачу за хвост, что нам теперь всё подвластно, что мы одни на правильном пути — сознание затуманивается, чувство опасности исчезает, — именно таких моментов ждет сатана, наблюдающий за нами из-за угла. И если кто-то думает, что «жёлтый туман» нашёл на одного Пахаря, то он ошибается. Я вижу, что Сашка делает всё не так, как положено, не по правилам, что так поступать нельзя. Внутренне понимаю: надо кричать. А сам стою, хлопаю глазами, как оторопевший, как будто какая-то неведомая сила не даёт мне ничего произнести, парализовала меня... Вот и не верь после такого в сверхъестественность...

А почему мы никогда ни к чему не готовы? Больше десяти человек толклось у раненого, включая двух профессиональных медиков, и все мы показали свою полную беспомощность. Чему же нас учат? Столько лет просидели за партией, у каждого по несколько высших образований и множество оконченных курсов, а спасти самое главное, что есть на белом свете, — человеческую жизнь, мы так и не научились. Как мы свою страну спасать будем? Так же?..

...Прошёл месяц со дня трагедии. Правильно говорят: «Беда не ходит одна». За это время в больнице умер Сергей Говорун, его пятидесятилетнее сердце не выдержало громадного веса тела в сто восемьдесят килограммов. Народ зашушукал: «Два покойника до сорока дней — жди третьего!» Получается, что нашему русскому мужику дожить до старости — редкостная удача? А дни идут своим чередом, Маленькая Нюшка подсуетилась и наняла вспахать их с Пашкой огород молоденького паренька-дачника из садового товарищества, что за деревней. Он приехал на своём мотоблоке, привёз в тележке второй мотоблок с фрезами. Пара часов — и работа была сделана, без натуги, на своей привычной технике и всего за одну тыся-

чу рублей. Нюшка прибежала ко мне, просила разменять купюру в две тысячи.

Теперь, проходя мимо, вижу перепаханный пустующий участок земли, на котором только в одном углу, недалеко от места трагедии, посажено несколько штук тонюсеньких стебельков помидоров, подвязанных к деревянным кольям, — они одиноко тянутся в небо. А семья погибшего картошку в этом году так и не посадила...

И наш с Сашкой давнишний спор — облагодетельствовать ли сырых и убогих, из гордости не просящих помощи у тебя? — это фактически заочный спор двух святителей — Иоанна Златоуста и Василия Великого, в котором один призывал подавать милостыню всем бедным без разбору, чтобы не пропустить действительно нуждающегося, а второй настаивал на избирательности, дабы случайно не поощрить праздность. Этот спор Сашкина смерть не разрешила в чью-то пользу, спор так и будет продолжаться во времени, только теперь с другими действующими лицами, точно так же, как он длился до нас шестнадцать веков...

Понимал ли Сашка, что с затеянной пахотой он влез не в своё дело? Наверняка понимал. Но собственная гордость не позволяла ему остановиться и отступить. А стоит ли гордость человеческой жизни? Мы, русские, отступить не привыкли, это наша национальная черта, нам

внушают её с детских лет: «Умрём, но не отступим!» А если мы движемся вперёд, то только напролом. Нам надо повзрослеть. Возможно, повзрослеть всей страной. Пришло то время, когда надо научиться останавливаться и отступить... Почему в лучший из миров первыми от нас уходят люди, в которых мы больше всего нуждаемся? Это несправедливо. И я кричу в пустоту Вселенной то, что когда-то не прокричал на Земле: «Сашка, стой!»

Владимир Иванович ТАРАСОВ

родился в 1958 году в г. Горьком. Окончил военное

училище и военную академию. Автор двух книг.

Публиковался в журналах «Сцена»,

«Молодая гвардия» и др. Живет в Ульяновске.

